

Противостояние Святого. Глава 676. Мне не нужна культивация. Небо было синим, как полотно шелка, небольшие облака украшали его своим узором, делая этот небесно-синий отрез шелка еще более прекрасным. Под горным пиком Цилянй извивалась маленькая речка, протекая через несколько ли, она впадала в большую реку. На берегу этой маленькой реки располагалась горная деревня, с синими горами и чистой водой, словно прекрасный сад. В деревне раздался голос молодого парнишки. «Когда-то вода в этой реке была такой сладкой! А еще если подняться на пик Цилянй, то можно было увидеть туман, и если вдохнуть глоток этого тумана, то станешь сильным и здоровым, десять лет проживешь без болезней!» Этому парню на вид было лет четырнадцать-пятнадцать, он был довольно крепким подростком, и сейчас рядом с ним сидели семь-восемь маленьких детишек, которым он рассказывал о том, что происходило здесь пять лет назад. «Вы посмотрите на меня, когда это я болел за все эти годы? Это все потому, что тогда мой отец взял меня на гору, чтобы вдохнуть глоток того тумана, что это был за приятный вкус!» Парень выглядел очень самодовольным, он размахивал руками и описывал все очень живо и красочно. Маленькие дети рядом с ним слушали, широко раскрыв глаза, и в них отражалось удивление и радость. Очевидно, их так захватила эта история парня, что они ужасно завидовали ему, что не могли сами сделать глоток того волшебного тумана. «Ван Пин, честное слово, тебе бы больше всех пригодился тот глоток тумана, только жаль, что после того как пять лет назад боженька разгневался на нас, туман исчез с гор, а иначе мой отец взял бы тебя с собой подышать им, и тогда ты десять лет был бы совершенно здоровым», взгляд молодого паренька обратился к одному мальчику среди группы детей. Этому малышу было примерно пять-шесть лет, он был бледным и слабым, даже ростом был явно ниже других детей, однако мальчик был красивым, и если бы не его болезненный вид, он бы выглядел милым, как фарфоровая игрушка. На нем была надета рубаша из грубого полотна, а в глазах отражалось такое же волнение, как и у всех. Он сказал: «Старший брат Чжоу, я сейчас же побегу к отцу и скажу ему об этом, чтобы он отвел меня посмотреть». Парень рассмеялся. «Плотницкое искусство дядюшки Вана действительно неплохое, но сейчас туман уже исчез с пика Цилянй, как же он возьмет тебя смотреть на него? Послушайте, вам всем надо брать пример с меня, мы будем каждый день изучать искусство фехтования, тренировать сильное тело, и когда вы подрастаете, мы отправимся путешествовать с нашими мечами!» От этих дерзких мечтаний молодого парнишки свет радости в глазах у детей стал еще ярче. Когда парень и сам начал радоваться вместе с ними, в деревне в воздух поднялся дым от печей, и из всех домов послышались крики, зовущие детей. Парень поднял голову и со вздохом сказал: «Ладно, на сегодня собрание Улиня (школы Ушу) закончено, после того как поедим, соберемся снова». С легким разочарованием в глазах, дети начали расходиться по домам, и тот мальчик по имени Ван Пин тоже пошел в сторону деревни, в его глазах все еще горела радость, время от времени он оглядывался и смотрел вдаль на пик Цилянй. Пока он шел, из деревенских ворот вышел один здоровяк, он был очень рослым и крупным, в руке он держал охотничий арбалет, а на его плече висел убитый водяной олень. Увидев ребенка, он с улыбкой сказал: «Эй, малец из дома Ван, опять ходил на эти собрания вашего Улиня, которые проводит мой сынок?» Ребенок смущенно кивнул и сказал: «Здравствуйте, дядюшка Чжоу». Здоровяк рассмеялся еще сильнее и погладил мальчугана по голове. «Оказывается, дети мастеров вырастают не только красивыми, но и более воспитанными, чем этот мой отпрыск. Ты идешь домой? Ну так пойдем, мне с тобой как раз по пути, мне нужно кое-что обсудить с твоим отцом». Мальчишка торопливо закивал, и пошел вместе со здоровяком в сторону дома. Очень скоро они оказались в северной части деревни, около простого деревенского дома. Мальчик быстро забежал внутрь и закричал: «Отец, дядюшка Чжоу пришел!» Из домика вышел молодой парень, он выглядел совершенно обыкновенно, без каких-либо странностей, и был далеко не таким симпатичным, как мальчишка. Очень часто, когда люди видели их вместе, никто и подумать не мог, что это отец и сын. На парне была надета грубая рубашка, а руки были покрыты мозолями. Он вышел из комнаты и с улыбкой сказал: «Старший брат Чжоу, сегодня неплохая добыча».

Мальчишка забежал в дом, вынес оттуда белую пампушку, подошел к парню, поставил рядом маленькую табуретку, сел на нее и начал есть. Здоровяк по фамилии Чжоу сбросил водяного оленя с плеча на землю и расхохотался. «Да, брат Ван, сегодня только я забрался на гору, так сразу наткнулся на этого оленя, это неплохая добыча». Парень улыбнулся в ответ, его улыбка была мягкой и спокойной, он погладил мальчика рядом с собой по голове и сказал: «С таким мастерством охотника, как у брата Чжоу, добыть оленя совсем не трудно». Здоровяк Чжоу с улыбкой сказал: «Брат Ван, мой сын уже не маленький, и через пару лет я должен буду найти ему невесту, дом для них скоро будет построен, только не хватает мебели для дома, так что я пришел просить тебя об услуге». Ван Линь с улыбкой ответил: «Не волнуйся, брат Чжоу, я все сделаю». Здоровяк Чжоу с улыбкой продолжил: «Хорошо, тогда этого оленя я дарю тебе в качестве первой платы». Договорив, он отвесил малый поклон, развернулся и пошел прочь. Как только он ушел, мальчишка подскочил с табуретки, подбежал к оленю и начал рассматривать его со всех сторон. «Отец, дядюшка Чжоу в самом деле очень силен, раз уж смог добыть такого оленя». В глазах парня отразилась мягкость, улыбнувшись, он сказал: «Погоди с оленем, Пин Эр, тебе нужно выпить лекарство». Мальчик вздохнул, поднял голову на парня и сказал: «Отец, но лекарство такое горькое...» Парень вынес из дома пиалу, в которой плескалась белая жидкость, без какого-либо запаха. Мальчик взял пиалу, и морщась выпил все глоток за глотком, после чего с недовольным лицом побежал к бочке с водой, зачерпнул из нее и выпил несколько глотков, только после этого он перестал чувствовать горький вкус. «Отец, когда мне больше не нужно будет пить лекарства?» Мальчик обернулся и посмотрел на своего отца. Эти двое были Ван Линем и Ван Пином. Ван Линь с мягкостью во взгляде спокойно сказал: «Скоро». Глубокой ночью лунный свет озарял землю, словно накрывая ее серебристой вуалью, прохлада лунной ночи накрывала все вокруг, и горная деревня под пиком Циляннь погрузилась в тишину. Кроме тихого лая собаки, больше не было слышно никаких звуков. Внутри деревенского домика Ван Пин уже уснул, и хотя его личико все еще было бледным, он спал очень сладко, в уголке его рта мелькала улыбка, как будто ему снилось что-то хорошее. Ван Линь сидел рядом в позе лотоса, и между его бровей блестел свет молнии. Он медленно поднял правую руку, и этот свет, пройдя через центр лба, перешел в кончики его пальцев. Осторожно, Ван Линь коснулся правой рукой центра лба спящего Ван Пина, вспышка молнии тут же захватила все его тело, и изнутри начали выходить сгустки черной Ци, которая собиралась на его коже. Постепенно черная Ци стала более густой, она закипела внутри света молнии, и вдруг вырвалась наружу. Ван Линь быстро поднял правую руку и сжал ее в воздухе, так что вся черная Ци оказалась в его ладони, превратившись в черную туманную сферу. Он сжал правую руку и разрушил сферу. На лице спящего Ван Пина проступил румянец. Глядя на ребенка, Ван Линь легко вздохнул, он поднялся и закрыл его откинутым углом одеяла, затем вышел из дома. Во дворе лунный свет озарил его, прибавив его силуэту одиночества. «Пять лет...», сам себе прошептал Ван Линь. Пять лет назад Ван Линь вернулся на планету Жань Юнь, поселился в деревне Ло Юэ, и выбрал жизнь здесь, из-за того что эта деревушка была очень похожа на его родную деревню. Ван Пин был тем озлобленным ребенком, но после того, как он начал пить лекарство, оставленное Лю Мей, и Ван Линь начал лечить его с помощью божественной способности громового типа, Ци ненависти в его теле стало намного меньше, и он мог быть таким же, как обыкновенные дети. Только если ему не давать каждый день пить это лекарство и не вытягивать из его тела Ци ненависти, он по-прежнему будет таким как раньше. Для того, чтобы он совсем вылечился, должно было пройти некоторое время. Воспоминания Ван Линя были стерты Ван Линем, и он подарил ему новую жизнь. В этой тихой деревушке сердце Ван Линя тоже успокоилось, он был далеко от убийств и сражений, у него была только спокойная как вода, размеренная жизнь.

И Ван Линь был верен избранной им жизни. Он зарабатывал на жизнь делом плотника, также как и его отец, который всегда мечтал о таком сыне – ведь если не получалось пройти экзамены, можно было стать плотником, и жить, передавая это мастерство от отца к сыну. Во

дворе стояли различные плотницкие инструменты, и это было описание его пятилетней жизни здесь. Каждый раз, когда Ван Пин убегал играть с другими детьми, Ван Линь вспоминал себя в детстве, в таком возрасте он был точно таким же, пока не наступит время обеда, он не возвращался домой. В свете луны, снаружи двора раздался звук шагов, и к нему, медленно ковыляя, приблизился чей-то силуэт. «Ребенок уснул?» Раздался старческий голос, и вместе с ним во двор вошла сгорбленная тень. Ван Линь, ни слова не говоря, кивнул. Этот старческий силуэт вошел во двор, и свет луны озарил его лицо. Это был Сунь Тай. Сунь Тай теперь выглядел еще более старым, его лицо было покрыто морщинами. Ван Линь жил здесь третий год, когда Сунь Тай прибыл сюда. Словно одинокий старик, предчувствуя скорый конец, он не хотел уходить в одиночестве. Сунь Тай посмотрел на дом в лунном свете, и в его взгляде отразилась доброта. В душе он почему-то очень любил этого ребенка по имени Ван Пин. «Сколько ты собираешься пробыть вместе с этим мальчиком?» Сунь Тай отвел взгляд и медленно обратился к Ван Линю. Тень смерти за его спиной была еще более явной, чем прежде. Ван Линь помолчал, потом, посмотрев на яркую луну в небе, тихо сказал: «Всю эту жизнь...» «Эту жизнь...» Сунь Тай слегка вздохнул и сказал: «Не хочешь, чтобы он стал культиватором? С твоим уровнем ты мог бы намного облегчить ему путь культивации, он даже стал бы лучше многих потомственных культиваторов». «Я не позволю ему заниматься культивацией, никогда в жизни!», тихо сказал Ван Линь, в его глазах отразилось разочарование. «Но у этого мальчика отличные природные данные...», помолчав немного, сказал Сунь Тай. Ван Линь посмотрел на Сунь Тая и спокойно сказал: «Я не позволю ему стать культиватором! Никогда!» Путь культивации, Путь культивации, но что осталось ему в конце на этом пути? Ван Линь всю жизнь спрашивал себя об этом. Это не счастье, это одиночество, и он не хотел, чтобы его ребенок пережил тот же путь, что и он сам. Он слишком хорошо понимал все горести, убийства и опасности этого мира. «Пин Эр пережил очень много того, что не должно было с ним случиться. Я назвал его Ван Пин, и хочу чтобы вся его жизнь была мирной и ровной, чтобы он как обычный человек мог жениться и завести детей, спокойно жить... с этого момента больше не говори со мной про культивацию!» В голосе Ван Линя прозвучала решительность, которую нельзя изменить, и которая никогда не изменится!